

Александр Валентинович Амфитеатров

**Об одном ущелье и
грузинской ундине**



Александр Валентинович Амфитеатров

Об одном ущелье и грузинской ундине

Аннотация

«В полуверсте от Пасанаура, по направлению к Млетам, слева от Военно-Грузинской дороги, над старым кладбищем, между могилами которого мирно пасутся табунные матки с их резвыми сосунками, – видно узкое ущелье. Оно смотрит издали очень красивым, и мне давно хотелось посетить его. Собрался и пошел...»

Содержание

Александр Амфитеатров

Об одном ущелье и грузинской ундине

В полуверсте от Пасанаура, по направлению к Млетам, слева от Военно-Грузинской дороги, над старым кладбищем, между могилами которого мирно пасутся табунные матки с их резвыми сосунками, – видно узкое ущелье. Оно смотрит издали очень красивым, и мне давно хотелось посетить его. Собрался и пошел.

Погода стояла неважная: над горами висела сплошная серая фата, впрочем довольно тонкая, – солнце просвечивало на ней явственным белым кругом без лучей, и в двух-трех местах виднелись пятна бледного, синего неба. Оторванные от облаков куски низко спустившихся паров пестрили горные скаты, ходя по ним, словно гигантские белые овцы по зеленому пастбищу.

У входа в ущелье я нагнал молодого грузина, направлявшегося туда же. Малый – оборванец на диво и уморительно некрасив собой: откуда только взялись в Грузии эти эскимосские нос и губы? Тем не менее лицо добродушное; взгляд честный и веселый. Видно, что смирный как овца и всем довольный паренек. Поздоровались и разговорились. По-русски он знает немногим больше, чем я по-грузински, т. е. дю-

жину-другую ходячих фраз, сотню именительных падежей существительных, прилагательных и два указательные местоимения. Однако понимаем друг друга отлично: в ход идут и мимика, и даже пластика. Узнаю, что парня зовут Майко, что он служит работником у духанщика¹ в Пасанауре и послан на гору «бык смотрел». Бык целую неделю скитается в лесу на свободе, нагуливая жир на подножном корму: нынче хозяин надумал его бить и послал работника словить разьевшегося зверя.

– Как же вы оставляете скот в лесу без присмотра? – изумился я.

– Зачем нет?

– Украсть могут.

– Ара!..² У нас скот никогда не воруют.

– Ну, зверь съест, волк или медведь.

Курьезное лицо Майко съезживается от смеха, как будто я сказал Бог знает какую нелепость.

– Ха-ха-ха! Датви³ будет бык «съел был»! Ха-ха-ха! Бык сильный. У него рога.

В самом деле, как мне говорили многие хозяева, горные медведи никогда не нападают на крупную скотину, и страдает от них преимущественно баранта.

Внутренность ущелья оказалась тесною ложбиной не

¹ Кабатчик, хозяин постоянного двора тоже. (Прим. автора.)

² Нет. (Прим. автора.)

³ Медведь. (Прим. автора.)

очень сильного, но чистого и прозрачного ручья.

– Раквиан цкаро?.. (Как зовется ручей?..)

Майко не знает. Безымянный ручей в дожди, должно быть, большой буян: вокруг его лежа наворочены весьма основательные каменные громады. Мое внимание привлекли древесные стволы, во множестве валяющиеся по ущелью и в большинстве совсем обтесанные, готовые в дело.

– Зачем они здесь лежат?

– Воды ждут. Вода с горы придет, дерево вниз пойдет.

Ручей мало-помалу принимает вид жидковатых каскадов: ущелье поднимается мелкими уступами аршина по два в высоту. Осенявшие до сих пор ручей ольха и орешник отступают здесь от берегов, и вода льется тонкими нитками живого серебра по голым серым камням. Майко прыгает по скалам, словно серна, – даже смотреть завидно! Я карабкаюсь за ним. Но вот мы оба становимся в тупик: ложе ручья превратилось в крутую лестницу; ступени ее высоки, влажны и покаты; схватишься рукой, чтобы притянуться на мускулах, – пальцы скользят, всползешь наконец как-нибудь, станешь, – нога не держится на гладком, косо срезанном камне; тычешь, тычешь палкой вокруг себя, пока не установишь равновесия. Берега – коридор с совершенно отвесными стенами; саженьях в двух над нашими головами качаются десятки кустов белого болиголова, лепестки обветренных цветов сыплются на нас как снег... В десять минут мы берем приступом пять таких уступов, и я собираюсь уже посягнуть на шестой, но... с трес-

ком, грохотом и плеском взбудораженного ручья лечу или, лучше сказать, стремительно ползу на животе вниз. Падение так быстро, что я не успеваю даже испугаться, – на языке и в уме у меня вертится лишь недоумелое: «Батюшки!.. батюшки!.. батюшки!!!..» Прокатившись сажен пять, попадаю ногами на твердую почву и останавливаюсь. Вверху опять треск, грохот и плеск, и пред самым моим носом появляются две подошвы бандулей: Манко скатился следом за мной. Выбираемся из ручья – мокрые, как водяные крысы. У меня блуза в клочках, тело – чуть не сплошной синяк; из левой руки хлещет кровь: до кости разрезал острым камнем палец; всюду царапины, ссадины, порезы... Майко меня утешает:

– Левый рука разрезал – ничего. Без правый рука не хорош – левый можно!

Вот еще оптимиста Бог послал в товарищи!.. Сам оптимист усердно полощет рот водой и плюет кровью: он ухитрился так ловко удариться о какой-то камень, что разбил себе губы и вышиб зуб.

– Нехороший был, порченный! – резонирует он.

Смотрю: зубы у него – как жемчуг, ровные, белые, без щербинки... откуда тут быть порченому зубу?!

– Почему же ты знаешь, что зуб был дурной?

– Если бы был хороший, не сломался бы...

Довольно своеобразная логика! Решительно, случай свел меня с каким-то грузинским Панглоссом: «Все к лучшему в этом лучшем из миров!»

Падение вторично привело нас к началу лестницы, одолеть ступени которой стоило нам такого труда. Починив кое-как свои раны, продолжаем путь.

Кусты опять придвинулись к ручью и купают в нем свои длинные ветви. Между ними, куда ни взглянешь, лег ковер мягкой зелени и разнообразных цветов. Эта картина открывается так неожиданно, что с невольным недоумением оборачиваешься назад: как же это? – сейчас еще вокруг ничего не было, кроме угрюмых камней да бледно-зеленого моха, а тут, всего двумя саженьями выше, такая богатая растительность? Все здесь сочно, жирно, крепко, массивно. Лопух – так уж лопух, словно его Собакевич сажал. Белая, как снег, павилика, – какая-то особенная, без обычных розовых жилок и чуть не в кофейную чашку величиной, – опутала громадные, дикие подсолнечники и мешает с их теплым ароматом свой миндальный запах. Особенно много белых колокольчиков, похожих на лилии, с какими рисуют архангела Гавриила на образах Благовещения, и каких-то крохотных розеток, формой вроде земляничного цвета, кучками сидящих на высоких гибких стеблях.

По этому благоуханному ковру мы пробираемся на вершину горы и проникаем в дремучий, чуть не девственный лес.

Шум Арагвы, давно уже потерявшийся из нашего слуха (мы отстаем от нее версты на четыре с лишком), вдруг становится снова слышен с полною силой и ясностью, как будто

река саженьях в двух – не больше. Такое странное эхо я наблюдал раньше только в некоторых итальянских соборах, где оно – дело рук человеческих: вы стоите около исповедальни и ничего не слышите, что там говорится и делается, а в другую исповедальню, саженьях в пятнадцати расстояния, доносится из первой слабейший шепот ясным говором. Патеры обходили этим фокусом, заимствованным у Дионисия Сиракузского, закон ненарушаемости тайн исповеди; природа переразразнила их штуку в грандиозных размерах. Таких мест, говорят, много в горах. Во время своего пешего странствия из Владикавказа в Тифлис я слышал от духанщика в Млетах следующую сказку насчет этого случайного эхо. Некогда в горах жил злой див, питавшийся человеческим мясом. Однажды он напал на детей некоего добродетельного осетина, мальчика и девочку. Дети бросились от дива в большую горную реку и были ею милостиво приняты. Но див не хотел уступить добычи и вырастил на пути реки громадную гору; река повернула в сторону, – див опять перегородил ее горой. Долго длилась борьба реки с дивом; убегая от врага, река в своих поворотах нарыла множество балок и ущелий и наконец приведенная в отчаяние неутомимостью дива, ушла в земные недра, куда див не посмел за нею последовать. Ее подземное течение и производит необъяснимый водный шум, какой часто ни с того ни с сего слышится в горах, хотя поблизости нет реки. В основе этой легенды, вероятно, лежит иносказательное предание о каком-нибудь гео-

логическом перевороте.

У меня сильно кружилась голова от потери крови, но принявший нас в свои зеленые объятия лес был так хорош, что я забыл и про ушибы, и про больную руку. Деревья кудрявые, большие, белоствольные – иное не в обхват человеку. Корни прочно впились в землю, змеями проползая между камнями и крепко обвивая их своею надежною сеткой. Могучая, здоровая чаща! Заметно, что дерево не болеет на этой заоблачной высоте; гладкие, словно лощеные, стволы нескольких поверженных гигантов – прямое противопоказание всяким недугам; свалил их топор или ураган, а не преждевременная дряхлость и не жучки-паразиты.

Майко долго кричал и аукал по лесу, пока бык ответил ему протяжным мычанием. Мы нашли животное в дальних кустах, версты за полторы от ущелья. Бык был небольшой, черный, бока – как бочонок, рога прямые, острые, глазами он косил достаточно свирепо, чтобы дать понять, что действительно в игре с ним любому медведю неминуемо придется зарычать: «Пас». Жалко мне стало этого предназначенного к убою богатыря, уже освоившегося с лесною волей.

Обратно в долину мы спустились без всяких приключений.

Дома меня ждал хромой Датико.

– Рагинда, кацо⁴, – ругался он, увидав мою руку, – чего

⁴ Собственно говоря – «чего ты хочешь?». Грузины пускают в ход это восклицание и к делу и не к делу. (Прим. автора.)

ты хочешь? руку испортил, – всего себя потеряешь, коли будешь ходить в гору без старого Датико... Ну что я теперь буду с тобой делать? Хотел вести тебя смотреть, где бывает весной туровье пастбище... да с больною рукой ты туда не взберешься!

Пораскинув умом, мы решили отправиться ловить форелей в великолепном горном ручье, по ту сторону Черной речки, разрезающей своими мутными волнами пополам Гудамакарское ущелье. Но уж видно, для меня выдался несчастный день! Напрасно бродили мы битых два часа по устью могучего источника, с размаха бросавшего кипучий жемчуг своих вспененных вод в агатовую реку, напрасно прыгали с камня на камень над ревущими каскадами, напрасно боролись – далеко не без труда – с дикою силой их буйного стремления и шарили лопатами по неглубокому дну, пытая добычу под скользкими булыжниками. Мы ничего не поймали и наконец, усталые, раздосадованные, уселись отдыхать в тени прилепившегося к берегу потока орешника.

– Сильная эта Черная речка, очень сильная... – говорил Датико, – гляди, как она глотает ручей: только вошел он в ее воды, – и его уже нет. А ручей полноводный и могучий. В Пасанауре она сливается с Белою Арагвой. Та еще гремучее и сильнее, и все-таки Черная речка сдастся ей только после долгой борьбы: даже на версту, а то и на две ниже слияния ты различишь еще, где идет вода из Черной, где из Белой речки, так что Арагва бежит на две полосы: с левого берега – вода

черная, с правого – белая... Арагва – речка веселая, резвая, что малый ребенок, и вода в ней святая, от многих болезней помогает, если в ней купаться; оттого она и не принимает в себя Черную речку, – что ей за охота мешаться с проклятыми волнами?

Я наострил уши, предчувствуя, что теперь Датико не обойдется, по своему обыкновению, без какой-нибудь побасенки, – и точно, приличная случаю легенда не замедлила воспоследовать.

Давным-давно, задолго до того, как в горы пришли русские, в глубине Гудамакарского ущелья стоял аул. В этом ауле жил старый грузин – одинокий, с приемышем-девочкой, найденною им в лесу. Кто ее, двухмесячную, бросил там, – грузин, сколько ни искал, не допытался. Девочка выросла красавицей и умницей. К ней стали свататься женихи. Между ними было много хороших женихов и добрых молодцев, но девушка не хотела замуж, а старик, любивший свою воспитанницу, не понуждал ее. Девушка, когда бывала свободна от домашних хлопот, любила уходить в горы – к шумному светлому ручью, падавшему в ущелье с большой высоты из широкой горной расщелины. Там проводила она целые часы, бросая в воду камешки и распевая песни. Однажды она пришла с ручья испуганная и бледная и рассказала, что ей явился горный дух и хотел увлечь ее в пещеру, откуда начинается источник, но ей удалось убежать на девять сажен от берега ручья, а дальше дух идти не посмел и со смехом бросился

в воду, где и растаял. Прошло несколько времени. Девушка забыла о случившемся с нею приключении и как-то раз, когда подруги пригласили ее идти за водой к источнику, охотно взяла свой кувшин и присоединилась к ним. Но едва, шутя и смеясь, красавицы приблизились к ручью, как из воды вышел громадного роста человек с кудрявою седою головой и зеленою бородой по пояс. Он взял воспитанницу старого грузина на руки, на глазах растерявшихся подруг, понес ее вверх по течению ручья и скрылся за скалами...

Старый грузин не мог утешиться в потере своей любимицы, приемной дочери, и все плакал. Минуло несколько лет. Одним вечером в саклю грузина пришел незнакомый мальчик, красавец собой, назвал старика дедом и рассказал ему, что дочь его жива, помнит о нем, жалеет об его горе и, чтобы отереть его слезы, посылает ему в утешение сына, рожденного ею в заоблачной пещере – дворце горного духа. Мальчик поселился у грузина и стал его радостью и отрадой. Он вынимал рыб из воды голыми руками, сваливал быка ударом кулака, привел из леса на аркане медведя и барса. Чем больше он рос, тем становился красивее, а когда пел в долине свои охотничьи песни, то голос его был слышен высоко в горах. Девушки ближних и дальних селений только о нем и думали, а в родном ауле его полюбила красавица-вдова – великая чародейка. Сколько ни старалась она, однако не могла заставить сурового юношу платить ей взаимностью и, в гневе, решила отомстить. Она подстерегла юношу – когда тот воз-

вращался с охоты, неся на плече убитого тура, – у слияния таинственного источника с большою и светлою рекой и произнесла заклятие. Юноша почувствовал, что силы его оставили, уронил тура на землю, упал и умер, но перед смертью сам успел сказать против колдуньи такие волшебные слова, что берег, где она стояла, обрушился в реку. Тем временем вода в источнике закипела, и над его устьем показалась белая женщина, в которой сбежавшиеся селяне узнали давно пропадающую дочь старого грузина. Простирая руки к утопающей колдунье, она воскликнула:

– Ты, жившая на земле, а теперь плывущая по воде! Ты знаешь всякие травы и чары, и я не могу казнить тебя смертью за убийство моего любимого сына. Но клянусь ручьем моим! – ты никогда не увидишь больше дневного света: сквозь волны этой реки к тебе не проникнет ни солнечный луч, ни лунный, ни звездный.

Она исчезла: чародейка погрузилась на дно, а воды поглотившей ее реки вдруг почернели, как будто приняли в себя темную ночь.

С тех пор так и живет злая колдунья, изнывая во мраке и холоде подводных стремнин, а светлую и чистую прежде реку люди зовут Черною речкой.

Вот что рассказал мне хромой охотник Датико, когда в жаркий полдень мы сидели с ним под орешником у быстрого горного ручья. Солнце, давно уже рассеявшее своим огненным взором утреннюю хмурую мглу, играло по воде,

сквозь листья, веселым лучом. Ручей шумел – и его белая пена и просвечивающая сквозь прозрачные струйки длинная, колеблемая течением тина казались исседа-зеленою бородою горного духа, о котором только что говорил старый охотник...